

Михальченко С.И.
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ «ВОСПОМИНАНИЯ» Е.В. СПЕКТОРСКОГО
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ЧЕХОСЛОВАКИИ СЕРЕДИНЫ 1920-х гг.*

Выдающийся отечественный ученый и деятель образования Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) известен как автор многочисленных трудов по философии, теории и истории права, культурологии, социологии, истории и литературоведению. Деятельность Спекторского протекала, в основном, в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта до ординарного профессора. Став в 1920 г. эмигрантом, Спекторский не оставил академической работы – он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге, долгие годы преподавал в Люблянском университете, а в последние годы жизни в Свято-Владимирской Духовной академии в США. [1; 3; 4; 7; 8] Судьба распорядилась так, что большую часть времени, отведенного на творческую жизнь, Спекторский провел за рубежом (31 год). Тем больший интерес вызывают новые источники, позволяющие подробнее осветить этот период. Одним из таких источников являются «Воспоминания» Спекторского. «Воспоминания» долгое время считались утраченными при бегстве Спекторского из Любляны в Триест в конце апреля 1945 г. Однако, по счастливому стечению обстоятельств, это оказалось не так. Текст «Воспоминаний», наряду с другими сочинениями, был сохранен учеником Спекторского В.Боначем и куплен архивом Института Восточной Европы Университета Бремена (Германия) (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv) [6].

Сейчас они находятся в фонде 01-30.230 (Bonač, Vladimir), е.х. II «Воспоминания». Это хранящиеся в пяти коробках листы (пагинация лл. 42–929) тетрадного формата, причем заполнена рукописным текстом только левая половина

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00099 а.

каждого листа, правая сторона иногда содержит дополнения и исправления, оборот листа пустой. Текст хронологически обнимает собой всю жизнь Спекторского до начала 1930-х годов, причем изложение обрывается на полуслове. Текст содержит множество подробностей как частной жизни Спекторского, так и событий эпохи, свидетелем которых он был.

Мемуары, судя по замечаниям в тексте, создавались автором в годы Второй мировой войны, когда он проживал в Любляне. До 1943 г. Спекторский был действующим профессором университета, но в 1943 г. университет был закрыт оккупационными властями и, вероятно, у Спекторского появилось время обобщить ведшийся им много лет дневник. Именно существование дневника («Летописи»), в настоящее время большей частью утраченного (в том же архиве сохранились только две тетради с записями за 1930–1932 гг.), позволяет объяснить высокую степень подробности, характерную для воспоминаний.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является русская эмиграция в Чехословакии по мемуарам Спекторского. Спекторский работал на Русском юридическом факультете в Праге с 1924 по 1927 год. В 1924 г. умер основатель и декан Русского юридического факультета в Праге П.И.Новгородцев. Спекторский был приглашен на освободившуюся таким образом кафедру энциклопедии права, желая, как он вспоминал, поработать для русской науки и образования, поскольку в Белграде он вынужден был преподавать по-сербски для местных студентов.

«Воспоминания» Спекторского изобилуют подробными характеристиками профессоров факультета, а равно и других представителей академического мира, оказавшихся в Праге. Здесь и декан факультета Д.Д.Гримм («строг, но справедлив по отношению к студентам. Они побаивались его, но и уважали своего «железного декана» [6, л. 597], и известный историк русского права М.В.Шахматов, больной туберкулезом позвоночника («Свою магистерскую диссертацию он писал на подвешенном пюпитре, лежа на животе. Он был трудолюбив и любил свою науку. Но у него не было строго научного духа. Он писал *ad demonstrandum, non ad narrandum**. И это портило его исторические исследования. Так, например, он изображал Древнюю Русь какими-то сентиментальными и идиллическими чертами» [6, л. 599], и знаменитый П.Б.Струве («Недостатком П.Б.Струве было то, что он не прошел, как мы, систематического ученого стажа. Ему, по-видимому, было трудно прочесть законченный курс. Кроме того, его чересчур отвлекала политика. Однажды он в разгаре учебных занятий, не предупредив ни декана, ни студентов, помчался в Лондон и просидел там довольно долго. Должно быть, он считал, что для России это было необходимее, чем чтение регулярных лекций» [6, л. 602]. Вспоминался Спекторскому и «П.Н.Савицкий, талантливый, но и честолубивый идеолог евразийства, из-за этого разошедшийся со Струве. Он жил в Мокропсах, где над его жилищем, как уверяли злые языки, будто бы развевался верблюжий хвост: ставка Чингисхана» [6, л. 603].

Наряду с юристами, на факультете преподавали историки и философы, так как Новгородцев, проектируя учебный план, кое-что позаимствовал из организации учебного процесса в Варшавском университете, где было много непрофильных дисциплин на юрфаке. Спекторский оставил одобрительную характеристику А.А.Кизеветтера («...Блестящий лектор. У него остатки кадетского духа, вызывавшие у некоторых студентов недовольство «крамольным стариком», сочетались с оскорбленным национальным чувством по поводу унижения, нанесенного нашей родине третьим интернационалом. Как и Струве, он решительно боролся против

* лат. ради доказательства, а не повествования. По смыслу, скорее, правильное обратное *ad narrandum, non ad demonstrandum*, т.е. писание ради рассказа, а не для доказательства.

евразийства» [6, л. 610]; сочувственную – Г.В.Флоровского («несомненно, очень талантливый человек»), а также Н.О. Лосского, И.И.Ломшакова [6, л. 613–614] и других.

Наряду с характеристиками профессоров факультета, мемуары Спекторского полны метких и подробных описаний студенчества. «Объективно наши студенты были, конечно, несчастны, – подчеркивал он. – Без родины, без семьи, без обеспеченного будущего, они ели чужой хлеб, за что их попрекали с разных сторон: социалисты – потому что они не были социалистами, чехи из России – потому что хотели получить в возмещение понесенных ими убытков суммы, шедшие на иждивение и т.д. Здоровье их было в неудовлетворительном состоянии. Очень велик был процент склонных к туберкулезу. За четыре года умерло 62 студента. Морально наши учащиеся с трудом оправлялись от недавно перенесенных потрясений» [6, л. 621]. Удручало Спекторского снижение общего уровня студенчества («Среди наших студентов было немало талантливых молодых людей, работавших хорошо и даже с отличием. Но общеевропейское понижение общего образования сказывалось у большинства. Слушая ответы на экзаменах, нередко я вспоминал одну фразу Островского: «Эх ты, моя необразованность» [6, л. 623–624].

Спекторский не ограничился характеристиками профессоров, преподававших на факультете – мемуары полны портретов ученых, не связанных непосредственно с РЮФ, но живших в Праге. При этом, как гуманитариев, так и естественников. Спекторский описал академические организации, существовавшие в столице Чехословакии («В Праге существовал целый ряд наших ученых обществ, в которых постоянно читались доклады. Это создавало обстановку напряженной духовной жизни» [6, л. 639]. Подробно, с адресами, - условия жизни представителей науки, в том числе, бытовые («Мой друг В.А.Францев жил на Халковой улице. Он занимал две комнаты в пренеудобной квартире, без электричества, без ванны, с уборной на лестнице. В одной комнате жил опекавшийся им его племянник, студент, который пропитался левым духом, будучи гимназистом в Моравской Тшебове. Их хозяйкой была очень почтенная особа, дочь эконома в имении какого-то графа, обладавшая большим кулинарным талантом» [6, л. 637–638]. Есть у него и характеристики представителей эмиграции, живших в других городах страны (Пржибраме, Брно, Братиславе).

Спекторский оставил также краткие характеристики писателей, живших в Праге (В.И.Немировича-Данченко, Е.Н.Чирикова), журналистов, представителей военных (в частности, генерала А.П.Кутепова) и религиозных кругов.

Меньше в мемуарах характеристик чешских политиков и ученых. Из тех, что есть, наиболее подробна характеристика К.Кадлеца («Кадлец был чрезвычайно добросовестный и трудолюбивый ученый с наклонностью к крохоборству. Он усердно работал над огромным глоссарием, дававшим ему право считать себя Дюканжем славянского права. На нашем русском юридическом факультете он руководил занятиями молодых историков русского и славянского права» [6, л. 688].

Спекторский отмечал, что у русских эмигрантов «отношение к чехам колебалось между возмущением по поводу поведения их легионеров в Сибири и выдачи ими Колчака большевикам и признательностью за начавшуюся «русскую акцию» [6, л. 529] Вообще, в отличие от отношения к властям КСХС, к которым Спекторский относился с большим уважением (а короля Александра просто боготворил), чешские власти вызывали у него скорее, иронию, смешанную с раздражением. Он отмечал, что, например, после избрания Т.Масарика президентом «его превратили в легендарного героя, в демиурга республики, в «татичка», т.е. батюшку чешского народа, забыв, что место отца этого народа уже было предоставлено историку Палацкому». При этом «огромные суммы расходовались из средств государственного казначейства на рекламу

такого Масарика на всевозможных и притом не только европейских языках. Ему стали всюду поспешно ставить памятники еще при жизни» [6, л. 537]. Впрочем, Спекторский, конечно, не мог не признать, что «Масарик и его дочь Алиса не только не возражали против благотворительной «русской акции», но и деятельно помогали как целым эмигрантским учреждениям, так и отдельным лицам. Он много сделал для культурного подъема своей страны» [6, л. 540]. Достаточно скептически Спекторский относился и к Э.Бенешу. Единственным человеком в чешском истеблишменте, к которому мемуарист относился с симпатией, был лично ему знакомый К.Крамарж. «Мы видели в нем друга России, не изменявшего ей и тогда, когда она попала в беду, – подчеркивал Спекторский. – Мы знали, что он ездил к Деникину и, что именно он побудил правительство и представительство Чехословакии прийти на помощь русской эмиграции. И мы были уверены, что он всегда будет противиться признанию третьего интернационала и его агентов законным русским правительством, хотя бы из-за этого ему пришлось встретить противодействие в собственной партии» [6, л. 542].

В 1927 г. Спекторский покинул Прагу, так как начала сворачиваться «русская акция» и постепенно сокращалось количество студентов на РЮФ. «Галлиполийцы устроили мне прощальный ужин у Беранека. Францев назвал меня славистом, Шахматов уподобил солнцу, а Кизеветтер – Сызранскому мосту через Волгу. Епископ Сергей отслужил напутственный молебен» [6, л. 728].

Таким образом, несомненно, «Воспоминания» Спекторского являются важнейшим источником для изучения биографии ученого и – шире – истории русской эмиграции в Чехословакии середины 1920-х годов.

1. Билимович, А.Д. Профессор Е.В.Спекторский / А.Д. Билимович // День русского ребенка. – Сан-Франциско, 1952. – Вып. XIX. – С. 129–134.
2. Воспоминания Е.В. Спекторского. / публ. С.И. Михальченко // Journal of Modern Russian History and Historiography. – №3 (2010). – Р 161–199.
3. Ермичев, А.А. Е.В.Спекторский (1875–1951). Биобиблиографическая справка / А.А. Ермичев // Спекторский, Е.В. Проблема социальной физики в XVII столетии / Е.В.Спекторский. – СПб.: Наука, 2006. – Т. II. – С. 506–521.
4. Михальченко, С.И. Евгений Васильевич Спекторский / С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко // Вопросы истории. – 2013. – № 1. – С. 31–53.
5. Михальченко, С.И. Документы Е.В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета / С.И. Михальченко // Отечественные архивы. – 2011. – № 6. – С.64–68.
6. Спекторский, Е.В. Воспоминания / Е.В. Спекторский // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. – FSO. 01-30.230.II (Bonač, Vladimir).
7. Ткаченко, Е.В. Общественно-политические взгляды Е.В. Спекторского / Е.В. Ткаченко. – Брянск: РИО БГУ, 2009.
8. Ульяновський, В. Останній ректор Університету Святого Володимира Євген Васильович Спекторський / В.Ульяновський, В.Короткий, О.Скиба. – Київ: КНУ, 2007.